

# НЕКОТОРЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ «ПРИЯТНЫХ ВСТРЕЧ»

**БИЛЕТЫ** спрашивали уже за квартал: «Неужели у нас не найдется свободного места на «Приятные встречи» в оперетту?» В артельном зале витало возбуждающее предчувствие праздника. И когда на сцену под бравурные звуки увертюры выбежали участники представления, то...

Впрочем, в действительности все происходило не совсем так.

## НЕ РИСКОВАННАЯ ЛИ

### ЭТО ЗАТЕЯ!

На афише «Приятных встреч», вывешенной у входа в Московский театр оперетты, выстроились в ряд имена Оффенбаха, Штрауса, Кальмана, Легара, Дунаевского, Александрова, Милюты. Первая часть вечера была отведена классической оперетте, вторая — советской.

Нечего греха таить, я шел на спектакль с опаской: не рискованная ли это затея? Выдержит ли второе отделение соперничество с первым? Устоит ли перед натиском классики молодая советская оперетта?

Искусственный читатель, наверно, уже подумал: сейчас рецензент станет до-

казывать, что не только устояла, а еще и победила. Мало того, он будет утверждать, что все это — свидетельство того, что у нас уже есть свои отличные советские оперетты.

Но, дорогой читатель, спектакль показал, что ничего этого не нужно. И даже, сознание, я сам был несколько обескуражен тем, насколько преимущественно второй части перед первой не требовало доказательства. Придите на «Приятные встречи», и вы сами убедитесь в этом. И цуская там не все было равноценно. Монтанж «Холопки», к примеру, не удался совсем. Дуэт Яшки артиллериста и Гаусы из «Свадьбы в Малиновке», проходивший всегда и везде «на урах», вдруг оказался куда слабее «Весенней серенады» из «Сына клоуна». Но, так или иначе, все второе отделение я вместе со всем радовался, смеялся, аплодировал... И все время меня не покидало недоуменное чувство: почему же так скупо пропущена первая часть? Неужели же наша предья была столь неадекватна, настолько, что восхитались опереттами Оффенбаха и Штрауса лишь оттого, что по независимым от них обстоятельствам не могли побывать на советских? А может быть, причина в чем-то другом?

## В ПРОГРАММЕ

### ОБЕЩАН ОФФЕНБАХ...

И мысленно я вновь и вновь обращался к первому отделению.

...Вот озорной, задирястый напаян из оффенбаховского «Орфея в аду» смеяли лирические мелодии штраусовской «Летучей мыши». Вот уже идет каскадный дуэт из «Марицы»... А в зале какая-то растерянность, я бы сказал, удивленная тишина. Лишь кое-где островками вспыхивает робкий, неуверенный смех, набегает на лица такая непрямая в этих стенах улыбка...

И мне почему-то вспоминается, как несколько лет назад, в Венгрии, сидя на эстрадном концерте в обществе знаменитой опереточной актрисы Ханны Хонти, я испытывал такое же чувство неловкости. В антракте расстроенная и рассерженная Ханна Хонти сказала: «Знаете, как у нас в театре говорят в таких случаях: публика сидит на руках».

...Вот уж постыжен: почти все первое отделение «Приятных встреч», когда шли коронные номера на классики, публика Московского театра оперетты прочно «сидела на руках».

Между тем мысль автора сценария и постановщика А. Завеса была заманчива и увлекательна. Он задумал поэтический и легкий спектакль, содержание которого составила бы сама история этого веселого жанра.

И какие увлекательные возможности открывались перед создателями подобного представления! Как можно было ошарашить публику каскадом неожиданных импровизаций, блеснуть изысканной сценической миниатюрой, передать самый дух «легкой, воздушной, словно сорванной с цепи» музыки «короля Гаушшей» Оффенбаха, воплотить ее иронию, ее насмешку в калейдоскопе типов «парижской жизни», слово очерченных беглыми и единым карандашом великого современника Оффенбаха — Огюста Домье.

А веселая оперетта — ведь это тоже целая эпоха, целый пласт культуры! И разве не могли, к примеру, исполнители, перевоплощаясь на несколько мгновений то в зрителей, то в артистов парижского, венского театров, остаться в то же время самими собой — молодыми советскими актерами, умеющими не только передавать очарование старой оперетты, но и весело, задорно пародизировать над некоторыми ее смешными традициями. Благо, что оперетта — всегдашняя данница моды — самое нестаряющееся, но и самое легко стареющее из сценических искусств.

Но, увы, занятая идея режиссера так и не воплотилась в точный и четкий замысел спектакля. Не отсюда ли такая вялость и аморфность актерской игры? Как вымученно, с какой натугой веселостью исполняют, например, Н. Крылова и В. Поваляев лирическую сцену из «Периколы», открывающую представление. И если бы не еще одна встреча с ними во втором отделении...

## О ЧЕМ НАПОМНИЛА

### ХАННА ХОНТИ

На том печальной памяти эстрадном концерте за мой вопрос, почему же так провалились артисты оперетты, Ханна Хонти ответила одним словом: «Стиль». И пояснила: «Дунаевскому петь, играть и танцевать под музыку Кальмана и Оффенбаха — значит не чувствовать ни Кальмана, ни Оффенбаха».

Об этой простой истине забыли, как видно, участники московского спектакля. А может быть, знали, но не смогли? И тут почему эта отнюдь не ставшая глотком сезона и к тому же довольно редко фигурирующая на афише постановка может до некоторой степени послужить визитной карточкой сегодняшнего театра оперетты. Спектакль, который должен был бы стать блистательным парадом мастерства, энциклопедией опереточных стилей, оказался решенным в едином, довольно распространенном «шпиком» стиле.

Возьмем хотя бы такого опытного актера, как Алексей Феона.

Ну можно ли с одной и той же привычно концертной улыбкой, в той же уверенной манере любимца публики и точно с теми же жеманами петь и играть штраусовского Беринка («Цыганские бары») каляновского Тасило («Марица») и позволить себе выйти за рамки этого спектакля и назвать еще одну недавнюю роль Феона — мистера Икс в «Принцессе цирка» И. Кальмана.

Вадь таинственный мистер Икс оказался на поверку родным братом и даже близнецом и Тасило, и Баринка.

Чувство стиля. Оно необходимо исполнителю не только, когда речь заходит о делах давно минувших дней, но и тогда, когда идет сценический расказ о том, что происходит сегодня. И я, быть может, не ощутил бы так остро в тот вечер этот непреложный закон искусства...

## ...ЕСЛИ БЫ НЕ ЯШКА И ЛОРА...

На Яшку-артиллериста из александровской «Свадьбы в Малиновке», а Якова Наконечников из «Белой акации» Дунаевского — одесский пижон и стилист, «король бутылочного плаванья». Его играл В. Поваляев, тот самый Поваляев, который перед этим добросовестно провалил сцену из «Периколы». Дуэт Яшки и Лоры (Н. Крылова) шел не просто весело, но опереточно заигнато, броско. Перед нами были образы, характеры, обобщения. Это была та самая сценическая миниатюра — законченная и точная, которой так остро не доставало спектаклю.

Казалось бы, уже все сказано о стилях во всех жанрах искусства. Казалось, что оперетта сможет здесь прибавить свое лишь за счет более быстрой утрировки их внешних примет. Но Поваляев и Крылова, смею нарушая благодушно-мористическую традицию исполнения этих ролей, не делают Лору Яшку хоть сколько-нибудь нарицательными. Просто их герои не очень хочется, и даже вовсе не хочется, одному произносить комплименты, другой — их принимать. В общем все уже было, нового ничего не будет. И все уже известно, и они от всего устали в свои двадцать с небольшим лет. Но так ведь положено: ухаживать, бросать пыльные взгляды, танцевать рок-н-ролл... И они прорывают все это с великодушным презрением друг к другу, и любви, к модному танцу, к артистам — всезнающие юные старички.

И тут-то оказывается, что у артистов есть и чувство современности и стиля, и наблюдательность, и злость.

А в зале есть прямо-таки отчаянная готовность аплодировать, хохотать, радоваться их наблюдательному, умному и лановичному мастерству.

Одним словом, номер биспровали. А я в этот миг вспоминал последнюю премьеру театра «Цирк зажигает огни» Ю. Милютына, с темпераментом и искренним увлечением поставленную В. Кайндлики, и подумал: ведь смогла же Т. Шмыга не только с подлинно опереточным блеском спеть, сыграть и станцевать роль циркачки Глории Розетти, но и с завидным проникновением раскрыть то, что называется «вторым планом» образа. Ведь сумел же В. Алчевский, играя бывшего русского графа и бывшего человека Вольдемара Лососиностроговского, дать на редкость органический сплав простодушия и подлости, наивности и нахальства!

Значит, не дрехлет, не туснеет старое искусство оперетты. Значит, есть в театре и возможности, и силы. Нужно только острее, зорче всматриваться в жизнь да уметь извлекать из сокровищницы прошлого нечто близкое настоящей, ближнему сегодняшнему зрителю.

Ну а если б Оффенбах в тот вечер «пропел» на уроне Дунаевского, то «Приятные встречи» могли бы стать подлинным праздником мастерства, участвовать в котором для актеров было бы и радостью, и честью. И лишние билеты тогда бы любители оперетты — а их немало! — спрашивали действительно за квартал, а может быть, даже и за два. А пока, если признаться, на представление, на котором мы были, билеты предлагали.

Бор. МЕДВЕДЕВ

*Интереснейшая работа 25 авг. 60.*